

ИЗ ЗАМЕТОК О КАТОНЕ

1. К 10-й главе Катонova «Земледелия»

Заглавие 10-й главы Катонova «Земледелия» «Как следует обустроить маслинник в 240 югеров (*quo modo oletum agri ducentorum quadraginta iugerum oporteat*)» уже Варрон (R. r. I, 18) понимал как список предметов, составляющих полное оборудование указанного хозяйства. Ни комментаторы XVIII в.¹, ни современные нам прекрасные комментарии: польский—Лося (Варшава, 1929) и английский—Бригаута (N. Y., 1933) не касаются вопроса о том, простой ли это перечень предметов, имеющих в хозяйстве, или нормативный список: нужно иметь то-то, то-то и только это. Герле² первый в этой нормативности усомнился, указав на ряд несообразностей в списке предметов для виноградника. Одержимый мыслью воссоздать текст Катона в том виде, в каком он вышел из рук автора, он на основании собственных логических построений дал историю развития Катонova хозяйства; затем, исходя из этой истории, решил, что 10-я глава — это перечень предметов, которые Катон вместе с маслинником купил у неких Манлиев. Тильшер³ в обычной манере своего комментария, где интересные наблюдения соседствуют с домыслами, сообщил, что Катон купил заброшенное имение и 10-я глава — это список предметов, которые нужно добавить к тому, что осталось от прежних хозяев (*ad. loc.*).

Оставив в покое откуда-то вынырнувших Манлиев Герле и «заброшенное имение» Тильшера, попытаемся разобраться в инвентаре 10-й главы и уяснить, в каком соотношении этот инвентарь находится с рабочей силой маслинника — с людьми и с животными. Без предположений тут не обойтись, но их необходимо обосновывать и подкреплять и словами самого Катона, и свидетельствами других *scriptores rei rusticae*, и археологическим материалом.

Начнем с рабочего скота и орудий, с которыми он работает. Тут «ни убавить, ни прибавить»: 3 пары волов; 6 пахотных орудий — рал; рало — орудие деревянное, изготовлявшееся дома; иметь эти рала в двойном количестве на случай поломки или порчи было разумно. Имеется одна *igrex* — особого устройства борона, — с помощью которой обрывали поверхностные корни маслин, отбиравшие у дерева питательные соки. Борону эту тащили волы (*Var., L. I. V, 136*). Работа двух пахарей дополнялась работой третьего, шедшего за ними с этой бороной. На каждую пару волов — по ярму с ремнями, которыми ярмо привязывали; для каждого вола упряжь (*ornamenta bubus, VI*); для перевозки тяжестей три больших телеги (волы — главная тяговая сила); при возке навоза на поле на каждую из этих телег ставили по большому плетеному коробу (*sirpeas stercorarias tres*). К каждой паре волов приставлен *bubulcus* — рабочий, который смотрит за волами и пашет на них.

С ослами тоже все ясно: один вертит мельницу, трое возят навоз (*asinus... qui stercus vestent tris*) туда, куда парой волов не проехать — для каждого особое вьючное седло (*semuncias tris*) и попоны (*instrata asinis tria*). Ослами ведают *asinarius* — все четверо на его попечении. Над овцами поставлен овчар, над свиньями — свинопас.

Перейдем к *ferramenta* — железным орудиям, которые покупали и которыми дорожили: и Варрон (R. r. I, 13, 2) и Колумелла (I, 6, 7) советуют держать их под замком. Орудия эти следующие:

<i>ferreae</i>	8	<i>rastos quadridentes</i>	2
<i>sarcula</i>	8	<i>falces faenarias</i>	8
<i>palae</i>	4	<i>stramentrias</i>	5
<i>rutra</i>	5	<i>arborarias</i>	5

¹ J. M. Gesner, *Scriptores rei rusticae*, Lpz, 1735; J. G. Schneider, *Scriptores rei rusticae*, Lpz, 1794.

² J. H ö r l e, *Catos Hausbücher*, Paderborn, 1929, стр. 236—256.

³ P. Thielscher, *Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft*, B., 1963.

Как работали восемь рабочих (5 *operarii* + 3 *bubulci*; свинопас, овчар и погонщик ослов были заняты своей скотиной) этими орудиями? *Ferreae* — это тяжелые железные лопаты; число их соответствует числу работников, как и число *sarcula*. Какие работы производились с помощью *ferreae*, мы не знаем; Катон упоминает только (155, 1), что ими и *sarcula* пользуются при отводе воды с полей. Работу с *sarcula* представляем довольно ясно. *Sarculum* — инструмент, в котором железная часть, обычно треугольная, реже четырехугольная, насажена под острым углом на деревянную ручку. Этим орудием пользовались для разбивания земляных глыб и комьев после пахоты (Varr., R. r. I, 29, 2) и для мотыженья посевов (Col. 2, 11). С первой работой спешили, чтобы не затягивать сев: естественно было выслать на пашню всех рабочих. Мотыженье было тоже делом спешным, и им занимали всех рабочих.

Четыре лопаты и пять особых совкообразных лопат (*rutra*) употреблялись при *ablaqueatio* маслин (Катон говорит об этой работе неоднократно). Она состояла в том, что вокруг дерева выкапывали воронкообразную яму, накладывали туда навоза, а спустя некоторое время засыпали землей и выравнивали яму: четверо человек с лопатами (*pala*) разрыхляли землю вокруг ствола, четверо с *rutra* лопатами-совками эту землю выбирали, а девятый, наверно погонщик ослов, тоже совком набирал навоз и сбрасывал его в яму: такое разделение труда способствовало скорейшему завершению всей операции. Четверо носилок для навоза рассчитаны были также на работу всех восьмерых рабочих.

Восемь кос⁴ для сена опять-таки по числу рабочих. Для уборки соломы пять особых серпов (*falces stramentariae*). Работают только *operarii*, потому что в это время (половина августа Col. II, 2, 54) уже идет пахота. Пять *falces arborariae* опять же по числу *operarii*, на которых, видимо, и лежал уход за масличным садом.

Следующей инвентарной статьей, позволяющей установить соотношение между населением усадьбы и вещами, в усадьбе находящимися, будет перечень кроватей и постельных принадлежностей.

Кроватей восемь: одна стоит в спальне (*cubiculum*) для хозяина; для персонала усадьбы имеются три простых кровати (*lecti*) и четыре двухспальных с ремненным переплетом. Для восьми кроватей: восемь тюфяков (*culcitae*), восемь грубых полотнищ, которыми тюфяки застилают (*instragula*), шестнадцать подушек (*pulvini*) — по две на каждую кровать — и десять одеял (*operimenta*), — может быть, одно второе одеяло получал вилик, а другое второе брал себе хозяин, а может быть, два одеяла хранились про запас. Распределялись кровати, вероятно, так: *bubulci*, занимавшие привилегированное положение в усадьбе (*bubulcis orsequito partim* — 5, 6), получали каждый отдельную кровать (*lectus*); одна двухспальная кровать предоставлена была вилику с женой, на остальных трех устранивались пятеро рабочих-садовников (*operarii*). Что касается овчара, свинопаса и погонщика ослов, то «парни» (*pueri*) получали каждый по два тяжелых доскутных одеяла (*centones*): одно служило подстилкой, другим укрывались. «Парни», подростки лет 15—16 (Varr., R. r. 2, 10, 1), спали, видимо, в хлевах около своей скотины, на соломе или на листьях, и кроватей им не полагалось — их заменяли тяжелые теплые *centones*.

Чтобы представить себе, насколько перечень 10-й главы был целесообразен и в остальном, надо постараться, насколько это возможно, прикрепить ряд предметов к определенным помещениям⁵. Катон называет только одну комнату — спальню (*cubiculum*) для хозяина, время от времени наезжавшего в имение. Из мебели, там стоявшей, Катон упоминает только кровать и скамейку; вряд ли будет опрометчиво предположить, что там же находились: подставка для светильников (*candelabrum*), одна из двух жаровен (*foculus*), кочерга (*rutabulum*), пара щипцов (*forpex*)⁶, два сту-

⁴ Следую чтению m, принятому Кейлем и Гетцем в их изданиях Катона.

⁵ Посуду, кроме той, которая требовалась для изготовления и хранения масла и которую следовало держать в давилъне и погребе для масла (см. гл. 13), отнести к определенному месту трудно, тем более что назначение некоторых предметов неизвестно.

⁶ Вторая жаровня и вторая пара щипцов предназначались, вероятно, для комнаты вилика.

ла со спинками (*solia duo*), по крайней мере две табуретки — к хозяину приходили и по делу и просто поболтать, узнать городские новости, рассказать о своих: Катон дорожил дружбой с соседями (4) — один из двух столов, почной горшок (*matella*). А где остальная утварь, в первую очередь, семь кроватей?

Ни одна рабовладельческая усадьба не могла обойтись без такого помещения, где готовилась бы горячая еда (143,2), где рабы, вернувшись вечером с работы, обедали и где они в долгие зимние вечера и по утрам до рассвета под присмотром вилика занимались разными работами, главным образом, изготовлением кольев для виноградника (37, 3 ср. Col., II, 2, 12—13). Этим помещением была кухня, о которой пишут и Варрон («Кухня... где зимой вечерами и до рассвета кое-что делают, где готовят пищу и едят» — R. r. I, 1; L. I. XIII, 2) и Колумелла (I, 6, 3). В кухне обязательно есть плита, на которой готовят горячую пищу (143) и пекут хлеб (74); стол для раскатывания теста (*abacus*), ткацкий станок (*tela togalis*) и, может быть, и две ступы: в одной на кашу обталкивали бобы, в другой — двузернянку. Тут же стол (*mensa*), с трех сторон которого стояли «три большие скамейки» (*scamna magna* III), на которых рассаживалось за едой вернувшееся к вечеру с работы население усадьбы. На каждую скамью полагалось по «салфетке» — большому квадратному или четырехугольному полотенцу (*starpas* III) для утиранья рта и рук.

Рассматривая соотношение между персоналом усадьбы и ее инвентарем, можно с некоторой уверенностью сказать, что перечень 10-й главы — перечень нормативный. Вернемся, однако, к кухне. Какое-то (и не малое) пространство занимала в ней перечисленная утварь. Сюда же приносили ивовые прутья для плетения корзин (31, 1), старую одежду для починки (2, 3) и, главным образом, длинные жерди, которые разрезали на части, обделываемые тут же в четырехгранные (*ridica*) или круглые (*palus*) колья. Можно ли было превратить ее в общежитие для рабов, поставив здесь еще семь кроватей? В усадьбе были, конечно, комнатухи для них — *cellae*. Весьма показательно, что в договоре о постройке виллы (14) эти каморки упомянуты, но кухня, наличие которой засвидетельствовано очагом (строитель должен его сложить 14, 2), не названа: хозяин, очевидно, считал, что усадьба (в той части, которая предназначена для людей) представлена именно кухней, к которой добавлено несколько *cellae*.

10-я глава позволяет установить части, из которых состояла усадьба времен Катона. Для людей: кухня, отдельные *cellae* (одна из них для вилика с женой) и хозяйская спальня; для животных: хлев для волов, овчарня, свиарник, хлев для ослов; для инвентаря и урожая: сарай для сельскохозяйственных орудий; амбар, где стоят доли с разным зерном; погреб для вина и виноградных выжимок, погреб для масла и масляного отстоя, помещение для мельниц и баня, о которой свидетельствуют *lavium eluacium unum* — лохань для обмывания и *solium* — ванна. «Господской половины» (*villa urbana*) нет вовсе или она скромно представлена одной спальней. Мы имеем своеобразное «описание» усадьбы посредством перечня людей, животных и разных предметов, данное почти за полтора столетия до Варрона, которого считают первым, кто рассказал о *villa rustica* (R. r. I, 13).

10-я глава заставляет подойти к вопросу о нормах рабской выработки у Катона (рабам у него задавались «уроки» — 2, 2) с большой осторожностью.

Какую часть маслинника должен вспахать каждый из трех пахарей? Арифметическое решение вопроса $240 : 3 = 80$ югеров вряд ли соответствует действительности. Во-первых, мы не знаем, какая часть маслинника вспахивалась, а какая оставалась под пастбище для овец (овцы паслись в маслиннике: Катон велит «очищать опавшие маслины от листьев и навоза» — 65,1); во-вторых, Катон сдавал хлебное поле издольщику, и поле это должен был вспахать хозяйский раб. Какой величины оно было? А кроме того, мы видели пахаря с мотыгой, лопатой и косой — он не только пахал. Как при таком количестве неизвестных определить «урок», который Катон задавал своему пахарю?

Наличие ткацкого станка и отдельных комнаток для рабов позволяет усомниться в словах Гуммеруса⁷, утверждавшего, будто рабы в усадьбе Катона жили «на казар-

⁷ H. G u m m e r u s, Die römische Gutsbetrieb, Lpz, 1906.

менном положении». Кроме вилки в усадьбе были, конечно, женщины. Обязанности вилки строго очерчены: она смотрит за чистотой, варит еду всему персоналу усадьбы, печет хлеб, ведает птичником и заготавливает впрок (сушит и маринует) разные фрукты. Вряд ли ей одной было справиться со всеми этими хозяйственными хлопотами. И, конечно, ей было не до тканья и не до огорода. А огород был обязательно в каждой усадьбе, и если в кухне стоял ткацкий станок и была своя шерсть, то кто-то в усадьбе занимался и тканьем. Почему Катон ничего не говорит о женщинах в усадьбе? Его, видимо, занимала только рабочая сила в маслиннике, на поле и на лугу; женщины были некоей несущественной к ней добавкой. Очень возможны брачные союзы между ними и рабами-рабочими. Наличие отдельных *cellae* позволяет предполагать существование хотя бы какого-то числа рабских семей.

2. К 21-й главе Плутарховой биографии Катона Старшего

Плутарх не занимался критикой источников, которыми пользовался для своих биографий. Он писал о людях, давно умерших, о бурях, давно отшумевших и часто, не понимая ни смысла этих бурь, ни значения лиц, их вызвавших или к ним причастных, спокойно помещал рядом и свидетельства нравственной высоты своего героя и доказательства его низкого нравственного уровня. В биографии Катона Старшего эта неувязка особенно заметна. Д. Кинаст, написавший прекрасное исследование о Катоне, обратил внимание на то, что последние главы Плутарховой биографии (21 и 24, 2—7), повествующие о частной жизни Катона, находятся в резком противоречии с предыдущими. Он считает, что Плутарх использовал для них политический памфлет, автором которого был кто-то из врагов Катона⁸. Кинаст не обратил только внимания на способ, которым автор памфлета стремился возможно сильнее очернить Катона.

Способ этот прост и состоит в том, чтобы последовательно показать, насколько поступки Катона не соответствуют его словам, в каком с ними кричащем противоречии они находятся. Так, Катон объявил, подкрепляя свои слова ссылкой на предков, что ростовщик хуже вора (*De agr.*, рг., 1); будучи претором в Сардинии, преследовал и гнал ростовщиков (*Liv.*, XXXII, 27, 3—4) — и сам давал деньги в рост, причем, пользуясь самой осуждаемой из ростовщических операций (*Plut.*, *Cato Mai.* 21⁹). Неумолимый страж законности превосходно обходил, с помощью подставного лица, закон, запрещавший сенаторам заморскую торговлю. Он заявлял, что приобретает только сильных работающих рабов (4), — и скупал детей и сам (21) и через посредников-рабов, которым поручал такие покупки, давая на это деньги. После года тренировки и обучения (*ἀσκήσαντες καὶ ὑδάσαντες*) детей вручали Катону: «Их у него было много, и он учитывал, как и кому их подороже продать». Римский магистрат занимается систематической работоторговлей, становится в один ряд с *manipones*, людьми презираемыми. И он не только работоторговец, — хуже, он сводник, *leno*, он превратил свой дом, дом консула (а, может, уже и цензора) в лупанар и как заправский *leno* продает рабам право иметь сожительницу. Он объявлял сельское хозяйство самым чистым и верным источником дохода (*De agr.*, рг., 4), но отрекся от него по соображениям чисто корыстным и занялся разными предприятиями, приобретал *λίμνας, ὑδάτα θερμά, τόπους κναφεῖσιν ἑπιπέδους* — «искусственные бассейны, горячие источники, места, подходящие для фуллонов».

Какой прибыток мог иметь Катон от прудов? С. Лось полагает, что он занимался разведением рыбы на продажу¹⁰. Вряд ли это верно: по свидетельству Варрона промышленное рыбководство с разведением дорогих рыб появилось только в I в. до н. э. Сажалки, которые выкапывали хозяева в своих усадьбах, чтобы пустить туда дешевую рыбу, дохода не давали (*Varr.*, R. г. III, 3, 9 и III, 17). А *ὑδάτα θερμά*? этим именем обычно обозначали горячие целебные источники. Италия была богата «теплыми вода-

⁸ D. K i e n a s t, *Cato der Censor*, Heidelberg, 1954, стр. 24.

⁹ Далее при ссылках на Плутархову биографию Катона указание на источник не повторяется и приводятся лишь номера глав.

¹⁰ S. L o s, *Rzym na rozdrazu*, Warszawa, 1960, стр. 205.

ми»¹¹, некоторые источники принадлежали частным лицам, но большинство их было собственностью городов, на территории которых они находились, и город никому их не продавал и не сдавал в аренду. Самыми знаменитыми из этих целебных вод были «кумские воды» — источники,¹² бившие в окрестностях Путеол и Байи. Ливий сообщает (XLI, 16), что консул 176 г. Гн. Корнелий, «лишившись употребления некоторых членов, отправился на Кумские Воды». Сведения о водолечении и водолечебницах имеются у нас от конца Республики и первого века Империи¹³, к этому же времени относятся и найденные археологами остатки лечебниц¹⁴. В первую половину II в. до н. э. все было, конечно, проще и беднее, чем два века спустя, но по тону Ливиева сообщения видно, что поездка консула «на Кумские Воды» не была чем-то необычным; лечение целебными водами вошло в житейский обиход и всюду, где собирались больные, должны были устраиваться заведения, где их, паралитиков, ревматиков, подагриков (Plin., N. h., XXXI, 59—61) — ожидало и лечение, и обслуживание. Был ли Катон устроителем и хозяином такой лечебницы, как считают Лось и Делла-Корте¹⁴?

Само по себе это вполне вероятно; Катон мог приобрести (ἐκτάτο) у кого-то целебный источник и построить около больницы, мог пользоваться для нее водой от городских источников. Автор памфлета мог радостно внести эту новую подробность, рисуя опять-таки противоречие между словами Катона и его делами: он осуждает греческую медицину, изображает греческих врачей потенциальными убийцами (23) — и вручает этим убийцам жизнь больных. Ни одна водолечебница не могла обойтись без врача: только врач мог определить, какими водами какую болезнь лечить, а врач был, конечно, грек; медицина в Риме и в то время и позже — целиком в руках греков.

Есть, однако, препятствие, мешающее так легко увидеть в Катоне хозяина водолечебницы. Дело в том, что λίμνας и τόπος κλαφέσσι ἀνεμήμενος находятся в несомненной связи: λίμνας это lacus — бассейны, откуда хозяин фуллоники проводил воду, уплачивая за нее городу «по установленной цене» (statuta mercede — Front., De aquaed. 94); ὄδατα θερμά — «горячие целебные воды» эту связь нарушают.

Одно из двух: либо Плутарх, делая выписки из своего источника и конкретно не представляя себе, о чем идет речь, соединил вместе строки, относящиеся к разным предметам, либо понял под aquas calidas целебные горячие источники, а не просто обычную горячую воду, часто обозначаемую именно таким образом. В этом случае получается такая картина. Катон покупает или берет в аренду места, удобные для фуллоник, — такими могут быть только те, где в избытке и поблизости находится вода; купить lacus, принадлежащий городу, конечно, нельзя: Катон мог только уплатить городу определенную сумму за пользование одним или несколькими бассейнами (ср. CIL VI, 10298). Фуллонам требовалась не только холодная, но и горячая вода: Катон проводит ее оттуда, где она в избытке, например, из соседних бань. Почему автор памфлета задержался именно на фуллониках? мы не можем, к сожалению, в точности определить, в чем было дело, но поскольку вопрос, в основном, касается воды, то можно не сомневаться, что при общей тенденции памфлета — показать, как несогласны между собой слова и дела Катона — автор ссылался на какой-то его поступок, резко противоречивший его цензорскому приказу: перерезать трубы, по которым частные лица отводили к себе в дом воду из городского водопровода (19).

Как бы то ни было: был ли Катон предпринимателем, связавшим свою деятельность с больницами, или — с фуллониками, но автор памфлета собрал достаточное количество примеров, ясно показывавших, что у Катона нет основной римской добро-

¹¹ L o s, ук. соч., стр. 227 и 234; M a r c i a l., VI, 42; P l i n., N. h. XXXI, 4—10.

¹² L o s, ук. соч., стр. 246, V i t r., II, 6, 2; P l i n., N. h. XXXI, 59—61; C e l s., II, 17.

¹³ Это обширные бани, устроенные по обычному плану римских бань. Целебную воду проводили сюда по трубам; город взимал, вероятно, за нее плату, как взимал ее за обыкновенную воду с частных владельцев, отводивших ее к себе от городского водопровода. Больных лечили ваннами, грязями, горячими парами, выбивавшимися из земли.

¹⁴ L o s, ук. соч., стр. 205; F r. D e l l a C o r t e, Catone Censore, Torino, 1949, стр. 32.

детели: fides — честности, верности. На него нельзя положиться, его словам нельзя верить: он занят одной своей выгодой и только прикрывается звонкими словами. Он выступает поклонником и защитником старых нравов, но он homo infidus: ему брошено обвинение тяжчайшее, если приложить к нему мерило нравственных устоев, выработанных предками; он защищает их на словах и попирает на практике.

М. Сергеевко

NOTES ON CATO

М. Ye. Sergeevko

The author discusses the tenth chapter of *De agriculture* with its enumeration of objects comprising the working tools used in the cultivation of olive trees. Correlating the personnel of the estate with its equipment inventory, the author concludes that the list in c. 10 is representative and that Cato's way of describing an estate is by listing its personnel, equipment and animals. In the author's opinion this chapter in *De agriculture* should inspire us to exercise great caution in judging the production quotas of slave labour and also to question the truth of the statement by H. Gummerus that in Cato's estate the slaves lived in «barracks» (on his estate, besides female overseers — *villicae* — there were also women who very likely had marriage ties with worker-slaves).

Turning to Plut., *Cat. Mai.*, c. 21, the author suggests that the source of this chapter, a pamphlet hostile to Cato (as D. Kienast has shown), maintained that Cato's actions contradicted his words: Cato is portrayed as a *homo infidus*.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИНЫ